

АНАТОЛИЙ ТАРАСЕНКОВ

ИЗ ВОЕННЫХ ЗАПИСЕЙ

ТАЛЛИН—ЛЕНИНГРАД, 1941—1942 гг.

Предисловие и публикация М. И. Белкиной

Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909—1956) — известный советский критик, литературовед. Круг его исследовательских интересов был широк — он писал о прозе и о драматургии, о кино и о живописи. Но большую часть своей жизни и творческих сил он отдал изучению поэзии. Его первые статьи и рецензии, — а писать он начал с шестнадцатилетнего возраста, в 1925 г., когда советская литература была еще очень молода, — посвящены поэзии. И смерть застала его за работой над предисловием к сборнику стихов И. Бунина, над одной из последних фраз этой статьи.

Жизнь и творческая работа Тарасенкова протекали в трудные годы, удаленные от нас не столько течением времени, сколько ходом исторических событий. И естественно, многое из написанного им подлежит сегодня переоценке. Были удачи и неудачи, заслуженные победы и обидные поражения. Но одно было и остается несомненным: его деятельность всегда отличалась беспредельной влюбленностью в поэзию, и он бескорыстно служил ей до последних своих дней.

Его перу принадлежат статьи и рецензии о Блоке, Андрее Белом, Маяковском, Пастернаке, Багрицком, Тициане Табидзе, Тихонове, Светлове и многих других поэтах. Он любил разыскивать и умел разыскать никому еще неизвестных, только начинающих поэтов, радовался возможности первым напечатать их стихи (Тарасенков работал в разные годы в журнале «Знамя», в издательстве «Советский писатель», в журнале «Новый мир») и первым сказать о них свое слово, — не дожидаясь, пока «обкатается» мнение. Он одним из первых обратил внимание на стихи Твардовского и решительно выступил против критиков, извращавших социальный смысл его творчества. Тарасенков писал о Леониде Мартынове, когда еще только появились его исторические поэмы. Он писал об Алигере и Симонове и печатал их первые стихи, когда эти поэты только вступали на литературное поприще. Он сумел сразу заметить и оценить талантливую молодежь, пришедшую с войны, — С. Гудзенко, А. Межирова, Г. Николаеву, Ю. Друнину, С. Орлова, Г. Поженяна. Даже в дни войны, работая во флотской многотиражке, он находил способных краснофлотцев, пишущих стихи, и печатал их. В своих военных записях он отмечал: «Снова, как в „Знамени“, я нянчусь с десятками людей и выдвигаю их. Это интересно! Уж такая судьба мне на роду написана — быть восприимчиком».

Помимо критической и редакционной работы Тарасенков всю свою жизнь занимался библиографией новейшей русской поэзии. Юношеская страсть к собиранию книг перешла в дальнейшем в научное коллекционирование. Тарасенков сумел создать богатейшую библиотеку по истории поэзии XX в., куда, в частности, входят книги стихов, тиражи которых были полностью уничтожены царской цензурой, книги, издававшиеся на фронтах гражданской войны и ставшие библиографической редкостью, книги, выходявшие в годы Великой Отечественной войны на полуострове Ханко, в осажденном Севастополе, в партизанских отрядах, в блокадном Ленинграде. Составление

каталога библиотеки вылилось впоследствии в огромный научный труд и привело к созданию своеобразной летописи русской поэзии XX в. Он не успел закончить эту работу, как и многие другие. Ныне этот уникальный труд, объемом более чем 45 авторских листов, подготовлен к печати и вскоре должен увидеть свет.

Когда началась Великая Отечественная война, уже в первые дни, Тарасенков добился того, чтобы его отправили на фронт. На Балтику он попал не случайно: еще в мирное время, в Таллине, где тогда базировались корабли Балтийского флота, он проходил подготовку в качестве военного корреспондента, а с военной тематикой в литературе он был связан еще с 30-х годов, когда работал в оборонных журналах — сначала в «Локафе», а позже в «Знамени». В конце июня 1941 г. Тарасенкова назначают редактором газеты ПВО главной базы Краснознаменного Балтийского флота в Таллине — «На боевой вахте». Спустя два месяца, 26 августа, Тарасенков выпустил последний номер этой газеты и с оружием в руках принял участие в уличных боях, защищая подступы к порту, откуда уже эвакуировались корабли. Он ушел из горящего, занятого немцами города в последний день, 27 августа, на военном транспорте «Верония», став участником беспрецедентного по своей трагичности похода военных кораблей из таллинского порта в Кронштадт. Корабли пробирались по минированному морю под непрерывной бомбежкой вражеской авиации. Не многие из них дошли до места назначения. Погибла «Верония». Тарасенкову удалось выплыть, и его подобрал один из буксиров.

С начала сентября Тарасенков работал корреспондентом газеты «Красный Балтийский флот», а затем был переведен в оперативную группу писателей, организованную при Пубалте под руководством Всеволода Вишневского. Самые тяжелые месяцы блокады Тарасенков находился в Ленинграде. Перенес голодную болезнь — дистрофию. В мае 1942 г. его посылают на Ладожское озеро, по которому шла доставка в осажденный город продовольствия, боеприпасов, оружия. Военные моряки Балтики охраняли транспорты, идущие по озеру в Ленинград. Тарасенков работал заместителем ответственного редактора в газете Ладожской военной флотилии — «За Родину».

В годы войны Тарасенковым опубликовано во фронтовой и центральной печати до 250 военных очерков, статей и стихотворений. Им были выпущены специальные брошюры («Борьба с танками», Таллин, 1941; «Способы борьбы с танками», Военмориздат, 1941; «Герои торпедных атак», М.—Л., Военмориздат, 1941), сборники стихов («Балтийская слава», М.—Л., Военмориздат, 1941; «Балтийцы», М., «Сов. писатель», 1942). Тарасенков был военным корреспондентом «Правды»; печатался в газетах «Известия», «Комсомольская правда», «Красный Балтийский флот», в «Ленинградской правде», «Советской Эстонии» и т. д.

В январе 1944 г. приказом замнаркома Военно-Морского Флота он откомандирован на работу в Совинформбюро и назначен заместителем ответственного секретаря Всеславянского Комитета и одновременно — ответственным секретарем журнала «Славяне». Много писал для зарубежной печати, организовывал митинги воинов-славян, выступал на них. В августе 1944 г. был назначен заместителем ответственного редактора журнала «Знамя», откуда в 1941 г. он ушел на фронт. В начале 1946 г. Тарасенков демобилизовался в звании майора.

«Военные записи» Тарасенкова не являются дневником. Он вел эти записи от случая к случаю. Иногда сразу фиксируя события, иногда вспоминая о случившемся спустя уже много времени. Записи эти охватывают 1941—1943 гг. (Таллин — Ленинград — Ладога). К сожалению, это всего только небольшая тетрадь. Таллинская эпопея записана Тарасенковым в январе 1942 г., в блокадном голодном Ленинграде. События восстановлены им по памяти, ибо все рукописи и записные книжки, связанные с этим периодом, погибли вместе с «Веронией». Таллинские записи мы предлагаем вниманию читателя полностью. Из ленинградских записей даем только небольшие отрывки.

Подлинная тетрадь Тарасенкова хранится в личном архиве писателя, у автора настоящего предисловия.

А. К. ТАРАСЕНКОВ

Фотография. Ленинградский фронт,
Новая Ладога, лето 1942 г.
Собрание М. И. Белкиной, Москва

Утро 22 июня. Воскресенье. Встал поздно. Звонок телефона... Говорит Матусовский.

— Толя, война...

— С кем? — это последний остаток надежды.

— С Германией; только что была речь Молотова.

Я быстро одеваюсь, бегу в ССП, в партком. Маша ¹ прибегает вслед. В Союзе только завхоз. Звоним Хвалебновой ², Жарову... Решено собирать митинг в 3 часа дня. Все садятся за телефоны, созывают людей. Все нервно, взвинченно. Горячий митинг. Речи Вишневого, Кумача, Вилли Бределя... Читается моя резолюция. Следующие дни — «Знамя» ³, НКФ ⁴.

Едем с Всеволодом ⁵ в НКО ⁶, в НКФ, говорим о мобилизации писателей. Эдель составляет списки. Я на Балтику...

Да, еще — ночь с 22 на 23 июня. Ложная воздушная тревога на заре. Все воспринимается как настоящее. Охватывает страх, тревога. Выхожу на улицу. Гул самолетов, разрывы зениток. Только наутро узнаем, что это учебная тревога...

НКФ обещает: едете со дня на день. Пока организуйте статьи для прессы. Иду в Союз, сажусь за телефон, собираю тех, кто подвернулся под руку, — Адалис, Ситковский, Кирпотин, Борис Галин, Клейнер, Нович, еще кто-то... Изготовлено штук двадцать статей. Работа часов до двух-трех ночи. Бегаю в наркомат — отношу статьи, для этой же цели использую Маргариту Алигер... Она самоотверженно носит тоже...

Возвращаюсь на рассвете по Москве — тихой, серой... Устал... Спать!

А затем первые дни предотъездной горячки. Злюсь, напоминаю райвоенкомату о необходимости скорейшего своего вызова. Обидным кажется каждый упущенный день...

Наконец вызывают на 25-е. В Краснопресненский райвоенкомат, в горвоенкомат, к майору Пензе... Вместе попадаем туда я, Явич, Барто ⁷,

еще кто-то. Явич едет на Черное море, Барто — на Север, я — на Балтику, в Таллин... Получаем деньги, документы... Оформляемся. 25-го же в Таллин уезжают Всеволод и Леонид Соболев. 26-го рано утром иду за билетом я. Днем 26-го уезжаю. Маша провожает. Всё наскоро. Последние горячие слова. Слезинка у нее на щеке. Из двери Ленинградского вокзала последний раз вижу, как мелькает ее белое пальто.

В поезде очень тесно, жарко. Все сидят друг на друге, но очень внимательно друг к другу. Настроены бодро, воинственно. Все едут на войну с прерванных отпусков, с курортов, по вызову. Ночью в поезд вваливается группа девушек-санитарок. Молодые, веселые, розовощекие. Вот и Ленинград, он уже насторожен, деловит. День провожу в городе. Зашел в ТАСС, договорился о формах связи с т. Шур. Спрашиваю на улице у какой-то женщины, как пройти к Балтийскому вокзалу. Она отвечает, но через два-три квартала меня останавливают для тщательной проверки документов. Оказывается, я вызвал подозрение, за мной следили. На вокзале встречаюсь с Азаровым, Зиновиным, Кронфельдом⁸. Они — тоже в Таллин. Вместе устраиваемся с билетами. На квартире у Зиновина едим, пьем, затем в поезд — и поехали...

Первая воздушная тревога рано утром в Эстонии. Солнце, утренний туман, гудит тревожно паровоз. Ничего... Обошлось... Едем дальше. Вот и Таллин. Он не изменился, — такой же красивый, нарядный, как был месяц тому назад⁹. Долго стоим в очереди — сдавать вещи на хранение. Пьем лимонад, ходим бриться в вокзальную парикмахерскую. Затем — Пубалт¹⁰. Знакомство с Зенковским¹¹. Встреча с Добролюбовым¹².

— Вас, — говорит он, — я направлю в газету ПВО Таллина.

Быстро — на машину (приезжают за мной редактор многотиражки младший политрук Петров и секретарь редакции краснофлотец Сорокин). Едем в штаб, Вайценберга, 20. Принимает майор Жарков, начальник строевой части. Проверка документов. Спим ночь на полу. Затем — на командный пункт. Первая встреча с полковым комиссаром Зыковым. Дача. Кусты смородины... Днем — обмундировываюсь в экипаже. Выдают тот же китель, что был у меня месяц назад. Оказывается, меня в экипаже запомнили. Начинается работа...

Первая вылазка с Петровым на батарею. Она расположена на горе над «Русалкой»¹³. Каменистое поле. Маскировочные сетки, ложные кустарники. Умный худошавый командир батареи сержант Випер. Пишет стихи. Делаем первые примитивные заметки с Петровым. Пишу стихи, очерк о дороге Москва — Таллин. На следующий день выпускаем первый номер газеты. Начинается газетная страда. Я, в сущности, делаю всё — заново переписываю все заметки, даю стихи, передовицы, лозунги, корректирую, клею макет. Петров восхищен. Парень он отличный. Ездим вместе с ним к Зыкову согласовывать пробные экземпляры газет...

Чудесное лето. Весь цветущий незабываемо красивый парк Кадриорг¹⁴. На озере лебеди. Ручные белки прыгают с ветки на ветку. Пирита¹⁵, лесные дороги... Вскоре получаю винтовку, гранаты. Начальник АХО ПВО — красивый, статный, молодой — выдает «ТТ»¹⁶ с боезапасом, котелок, патронташ. Я увешан всем этим с ног до головы. Вероятно, очень смешной вид.

Знакомство с заместителем начальника политотдела — старшим политруком Будником. Пишу о нем очерк. Он герой финской войны. Вскоре устанавливаются с ним, с Евсеевым (секретарем парткомиссии) очень хорошие отношения. Ездим вместе на батарею, купаемся с Будником в реке Пирита, в море...

Все еще выглядят Таллин и Пирита, как курорт. В магазинах полно, на улицах нарядная, пестрая европеизированная толпа. На пляжах загорают. В ресторанах за столиками праздные штатские мужчины. Им нет

«РОДИНА ЗОВЕТ»

Плакат, висевший на улицах осажденного Ленинграда в 1941 г.

Воспроизводится по кадру из документального кинофильма «Ленинград в борьбе», 1942

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

дела до войны... Ночью из окон одиночные выстрелы по нашим офицерам. «Пятая колонна»...

Начинаю встречаться с Вишневым и Соболевым. Они живут в Минной гавани, в здании плавсредств. Добираюсь к ним обычно на грузовике штаба или на велосипеде. У них — смешная маленькая машина, которой управляет Соболев. Прозвище — воробей (она чирикает на ходу).

Масса шуток по поводу моего вооружения...

Писем от Машки нет. Впрочем, Соболев тоже ничего не получает из Москвы. Ждем! Главное направление врага: Минск — Смоленск — Москва... Мы оставили Ригу, Либаву. Тяжкие бои под Псковом. Бомбят Нарву. Связь с Ленинградом, Москвой все время прерывается. Накрыли подлодку, когда она ставила мины на пути из Таллина в Кронштадт... Немцы хотят отрезать Эстонию с суши. Запереть Балтийский флот в Таллине.

7 июля великая паника... Грозные слухи о необходимости эвакуировать Таллин. Делается масса глупостей. <...> Уничтожается много хорошего, ценного имущества. Все торопливо укладываются. Неужели отступить? Все говорят о возможном нападении кайтселийтов¹⁷ в пути. Очень тяжелые дни. На душе становится пусто, нехорошо. Уезжает редакция «КБФ»¹⁸ и ряд тыловых учреждений. Пожалуй, морально дней более тяжелых не было. Уходить без боя? Все бросать? Нет, это бессмыслица! Уже даются директивы по уничтожению нашей типографии...

В разгар этих событий Петрова как учащегося I курса Военно-политической академии им. Ленина отзывают в Москву и меня назначают ответственным редактором (правда, два-три номера редактировал политрук

Сутягин, но это номинально) многотиражки ПВО «На боевой вахте» (несколько номеров вышли под названием «Боевая вахта»).

Все силы — многотиражке. За первый месяц войны написал около полутысячи строк стихов и около пяти листов прозы (очерки, статьи, передовицы, заметки). Никогда в жизни я так интенсивно еще не работал. Но это интересно. Правда, я совсем не думаю, что качество написанного высоко с литературной точки зрения. Тут уж ничего не поделаешь — такая обстановка, такие задачи...

Быт в штабе, на Вайценберга, 20. Сплю без подушки, на диване. Ем в роте связи, в Кадрриорге. Там смешной, докторально-правоучительный политрук Ермаков, толстый, глупый, хитрый, добродушный старшина Денисов, очень культурный, приятный командир роты младший лейтенант Тихонов. Кормят жирно, обильно, невкусно. Ермаков все время учится ездить на велосипеде, поминутно падает (или «пикирует», как говорят о нем в насмешку). Ухаживает он за какой-то уличной эстонской девочкой, жмет ее на скамейках в Кадрриорге. Зовут ее Сельма. Маленькая, неопрятная (это редкость среди эстонок), по-видимому, очень эротическая девочка лет 17—18...

Целыми вечерами — разговоры о женщинах. За ними — целая охота, но главным образом глазами. Прогулки в Кадрриорге... Только у Калабашкина завязывается трогательный, хотя и грубый роман с эстонской медсестрой Эльзой. Мечтают о встречах с женщинами все — политрук Сутягин, начфин Ларькин, главстаршина Рудаков (работник партучета), мои славные чудесные ребята — наборщик Василий Спиридонович Самотыков, печатник Лавкер, рябой, милый, простодушный детина Середавкин (которого все зовут Бородавкин, а он и не думает обижаться)...

Жаркие летние дни... То я, то Сорокин ездим за материалом. Целые дни пишу стихи, вымучиваю «Полундру»¹⁹ (номер очень нужен, но я на это предельно бездарен). Солнце, духота... Живем мы в прекрасном буржуазном доме с ваннами, как в «Астории» в Ленинграде. Иногда принимаю душ. Почему-то дурацкая боязнь — вдруг будешь принимать душ, а в это время вернутся события. Все поэтому стремишься держать при себе, — в противогазе (комплект газеты, рукописи, бритву и т. д.). Эта привычка остается и дальше... Завожу «культуру» в редакции, — достаю замечательную эстонскую бумагу, чернила, клей, фаберовские карандаши. Работа налаживается. Газета выходит точно через день. Каждый раз — обычно к вечеру — везу ее на утверждение Зыкову или Струкову на КП. Зыков читает, довольно грубо и глупо придираясь, Струков — мягкий, симпатичный. Если нужна поправка — он делает ее с удивительным тактом...

Встречи с Вишневым, Соболевым. Оба бодрые, здоровые, загорелые, нарядные. Возят их на зисе... У меня жизнь, конечно, гораздо более прозаическая и деловая. Я вижу меньше их, а работаю... я и автор, и корректор, и выпускающий, и редактор. И поэт, и очеркист, и «передовик», и куплетист, и репортер.

Начинаю давать материал в ЭТА²⁰ (Излистьяев — заикающийся добродушный тяжкодум, Кейс — худощавый спокойный эстонец-коммунист). Охотно печатают. Все очень культурно поставлено — бумага, машинки, сами машинистки... Чистота, точность, опрятность, вежливость. Работать у них приятно...

Встречи с Иголкиным — впрочем, они описаны в очерке о нем, — не буду вдаваться в излишние подробности...²¹ После одной из бесед с генерал-майором Зашихиным в его зисе на пути из КП в штаб пишу небольшую статью о борьбе с танками. Статья понравилась в Пубалте. Добролюбов через Иголкина поручает мне на эту тему написать брошюру²². Роюсь в газетах, подбираю материал, пишу. Очень боюсь оказаться не специалистом в вопросе.

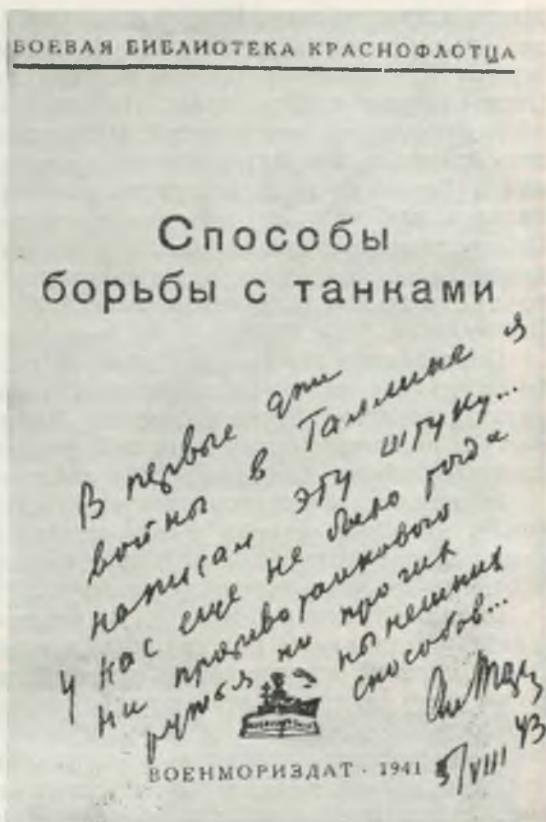
СПОСОБЫ БОРЬБЫ С ТАНКАМИ»

Брошюра А. К. Тарасенкова.
Л., Военмориздат, 1941

Экземпляр, подаренный
А. А. Игнатьеву

Титульный лист с надписью автора,
5 августа 1943 г.

Собрание В. П. Нечасва, Москва

Брошюра получилась, была одобрена и вышла в свет в Таллине (без фамилии автора) за несколько дней до решающих боев за Таллин. Однако вряд ли она принесла пользу, — на Таллин танки, в сущности, почти не наступали. Немцы обошлись мотопехотой, артиллерией, минометами...

Встречи в «КБФ» (редакция вернулась после драпа в Таллин) с Браунном, Инге, Гейзелем, Соболевским, Самойловым²³. Люди киснут в редакции. Иногда приходит к нам в многотиражку политрук Марков, вырезает из газеты заметки, потом их печатает в «КБФ». Я даю несколько стихов, очерков.

Но главное внимание — своей многотиражке. Я злюсь, что нет в ней настоящего боевого материала. Ну о чем писать — о малоудачной стрельбе по одиночным самолетам?.. Только один действительно интересный эпизод за все это время — большой налет на аэродром, абсолютно неудачный для немцев (описан мной в специальном очерке)...²⁴

Люди, с которыми приходится работать, хорошие, славные, хотя и не всегда обладают достаточной эрудицией. Работаю с ними со всеми без запинки. В свободные минуты читаю бойцам стихи, рассказываю разные смешные истории, веселю народ как могу и умею. Вел с одним бойцом долгий разговор о мироздании, о бесконечности вселенной и т. п. Типичный разговор на войне!.. Кажется, это даже описано в каком-то романе о первой империалистической войне. Пробовал читать сочинения Наполеона. Нет, не могу! Слишком все это не похоже на ту войну, которую мы ведем.

Добиваюсь, чтобы в редакцию дали еще одного работника. Дают сержанта Дудника, Григория. Способный, несколько замкнутый паренек. Грамотен недостаточно, но умеет схватывать живые детали, характеры.

Много с ним работаю. Напечатал в газете штук 10—15 его очерков. Слова, как в «Знамени», я нянчусь с десятками людей и выдвигаю их. Это интересно! Уж такая судьба мне на роду написана — быть восприемником. Очень трудно с Сорокиным. Парень очень честный, старательный, но абсолютно лишен способностей. Пишет вяло, бесцветно. Приходится печатать его вещи, ибо материала недостает адски. Но это — скука страшная... Военкоры тоже пишут на редкость бледно, однообразно. Выкручиваюсь как могу, но все-таки меня самого газета не удовлетворяет. Правда, начальство хвалит... Начальник Пубалта Муравьев присылает письмо, где я отмечен весьма положительно, но это не так уж важно. Много правильных критических замечаний делает при просмотре газеты Вишневский.

Центральные газеты вижу иногда, от случая к случаю, то «Правду», то «Известия», то «Красный флот». Но все с большими перебоями. Лучше других, по-моему, вещи Симонова, Маршака, Эренбурга. Остальные пишут слабо. Здесь на первом месте Всеволод. За ним, по оценке начальства, следуют Соболев и я. Но Соболев давно уехал отсюда...²⁵

Знакомлюсь с корреспондентом «Комсомольской правды» Я. Гринбергом²⁶. Славный парень с воловьими глазами, красивый, неглупый. Вместе с ним и Вишневским ездили на аэродром к Кулашову, Кузнецову, Шодину. Это тоже описано в очерке...²⁷

Бывали у генерал-майора Зашихина, моего прямого начальника (сначала начальник ПВО Таллина, а затем начальник обороны Таллина). Очень простой, мужиковатый, веселый, неглупый человек. Мне он охотно и просто визировал статьи для «Советской Эстонии», для ЭТА. Вишневскому он говорил:

— Стреляем мы, извините за выражение, хреново.

Высокий, плотный, всегда бодрый, он любим подчиненными.

Вот еще люди штаба: полковник Дралов (начальник штаба), сухой, чиновный, злой, хотя и знающий, ценный работник. Газету он, очевидно, как и литераторов вообще, глубоко презирал. Начальник связи — капитан Невдачин — внимательный, тихий, очень деловитый человек. Его помощник Романов — горячий, вспыльчивый, прямодушный человек. Он говорил мне:

— Ну вот. Многим нацепили ордена, а при военной проверке оказались трусами, дерьмом.

Сам он страшно рвался на фронт, говорил и о возможности партизанить по тылам. С огромной любовью — о жене, о недавно родившемся ребенке.

Капитан Стрижак — веселый, красивый, донжуанистый, обходительно-предупредительный. Вместе с ним были на катере ВНОС²⁸. Провели весь день на море. Ночевали на острове Вульф, зеленом, мшистом, лесном. Море на утро — тихое, ясное, гладкое. Ходили в сторону Вимси и дальше на NO. Камбалы видны на дне, на песке... Останавливали почтовую лодку, осматривали ее. Мимо прошел в утренней дымке караван наших транспортов под большой охраной. Самолетов врага не было. Купались, ели вкусный и обильный самодельный обед, сидя прямо на палубе. Ребята обаятельные. Описал все это в очерке²⁹.

На катере — Дмитриев. Старый моряк, 50 лет. Пришел на войну добровольцем. Моторист. Участвовал в гражданской и в империалистической войне 1914 г. Сухой, жилистый, худое тонкое лицо в глубоких морщинах, седой ежик... Очень добросовестен. Я написал о нем очерк³⁰. Интересовался впечатлением Дмитриева. Он реагировал как-то бесцветно. Очевидно, ему это все равно. Он видел Кирова, говорил с ним в Астрахани. Это очень бывалый человек, один из кадровых людей революции. Был в финско-немецком плену в 1918 г.

КАДРЫ ИЗ КИНОФИЛЬМА «ЛЕНИНГРАД В БОРЬБЕ»
Сценарий В. В. Вишневого
Ленинградская студия кинохроники, 1942
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

В ПВО принимали меня в члены ВКП(б) по московским документам и рекомендациям (Вишневский, Исбах, Эдель). Было это на лужайке, под деревом у КП. Строго, деловито... Будник задал вопрос: чем замечательна статья Ленина «О Соединенных Штатах Европы»? Я ответил быстро, подробно. С тех пор он стал меня уважать. Это забавно. Элементарная «ученость» сразу повышает тебя в глазах политработника. Одновременно со мной принимали в кандидаты ВКП(б) Циву Марковну Головичер, машинистку штаба, кокетничающую со всеми без разбора и носящую прямо на юбке револьвер. Человек душевный, хороший, хотя и несколько загордившийся от бесконечных ухаживаний.

Обычная картина штаба: дача, видно, богатея немецкого. Солнце, вокруг цветы, трава, ягоды... Телефонные звонки, поток донесений с ВНОС. Напряженное состояние. Все работники за столами. Все время ожидание налетов. Самолеты врага — единичны. Но каждый день прилетают все же обязательно. Беспорядочная стрельба. Сотни снарядов. Это пугает врага. Виражи, виражи в облака, — самолет уходит обычно. Ничего не сбрасывает. Очевидно, прилетал с разведывательными целями. Однажды в яркий солнечный день — концерт силами эстонской эстрадной бригады. Прямо на траве, неподалеку от штаба. Во время концерта — очень близкая стрельба зениток... Как аккомпанемент...

Часто бываем в ресторане «Ром». Очень вкусно — цветная капуста, жирные борщи, жареная колбаса, кулебяка...

Сейчас, в январе 1942 г., когда я пишу эти строки в голодном, от холода вымирающем Ленинграде, даже страшно вспомнить эту еду. Сгущенное молоко в столовой начсостава ПВО, гречневая каша...

Цветы, цветы, цветы и голуби на таллинском рынке. Все это забыть нельзя. Милые красивые гриммовские улицы Пикк, Виру... ³¹.

Нет, это была еще не война, а какой-то курортный прелюд к ней.

24 августа можно считать концом «курортного периода». Днем мы с Вишневским и Гринбергом заехали к генерал-майору Зашихину. Он объяснил в своем доте на карте обстановку. Враг уже около самого города — километрах в... 11—12. Но Зашихин был очень бодр, шутил и говорил, что линия обороны обязательно будет удержана нами.

Едем с Зыковым по дивизионам. Страшное зрелище отступающих обозов 8 армии. Грязные, заросшие, усталые красноармейцы на повозках. Зыков ездит по батареям, приказывает хорошо маскироваться, быть готовыми ко встрече наземного противника. До ночи обьедем с ним точки. Затем выезжаем, уже глядя на ночь, со Струковым в один из дивизионов. Узнали на месте о гибели батареи под минометным огнем врага. Слушали командира орудия.

— Если бы вы, товарищ полковой комиссар, были там, вы поняли бы, какое чудо было уцелеть хотя бы одному...

Я пошел с группой во главе со Струковым в разведку. Подобрались близко к месту гибели батареи. Все горит. Рвутся боезапасы. Из лесу строчат автоматы. Ночь наступает. Каменные изгороди, невзрачные эстонские поля...

Долго сидели на КП дивизиона, разбирались в причинах гибели батареи. Затем на КП ПВО. Ночь в даче. Темно. Спим не раздеваясь. Начинается артобстрел. Утром 25.VIII он усиливается. Снаряды рвутся прямо над головой. Осколки сшибают листья, ветки деревьев. Канонада. Бьют по немцам наши корабли. Налеты. Бомбят... Появляются Зенковский и Гринберг. Едем на Вайценберга, 20, делаем быстро газету. В разгар работы КП ПВО переезжает сюда. Настроение у всех живое, нервное. Говорят, что выстоим еще недели две в ожидании подкреплений. Ночь мы проводим с Зенковским во тьме. Затем он уходит на «Веронию» ³².

26.VIII. Продолжаю делать следующий номер газеты. Прибывают на КП раненые. Мы со Струковым объезжаем госпитали. Страшные картины!.. Пирита горит. На аэродроме бой. Немецкие автоматчики просочились в город. Их вылавливают. Пожары. По Вышгороду³³ бьют шрапнелью. Пожар в Минной гавани. Эвакуация раненых. Машин не хватает. Идут, ползут по улицам, в бинтах, на костылях — все к гавани... Армейские части — к гавани... Поперек улицы заграждения. Не пропускают в порт. Отправляют обратно в бой... Рубеж держит морская пехота. Залпы с «Кирова». Налеты на порт. Бомбят корабли, транспорты на рейде... Немецкое радио сообщает: «Балтийский флот заперт в Таллине. Ему не уйти. Финский залив минирован. Береговая полоса в наших руках...»

Рядом с КП из трубы высовывается трижды голова с биноклем. Снайперский выстрел в нее. Кайселийт-парикмахер снят...

Газета отменяется. Наборщики идут занимать рубежи обороны у штаба, у пруда в Кадриорге. Роят окопы. Я назначен к «Русалке» останавливать бегущих. Входит Всеволод — сумрачный, в очках, только что от «Русалки». Там минометный огонь.

Стоим у «Русалки». Помогают еще Гринберг, Данилов, Шилоносков, сменяясь. Останавливаем бегущих, кричим, материмся, формируем отряды. Так — до вечера. Один красноармеец бежит на меня. Искаженное лицо. В руке автомат. «Стой!» Он матерится и хочет убить меня. Я собираю всю силу воли, заставляю его залечь, держать оборону. Он бросает автомат, катается по земле, рвет рот себе руками...

Часам к девяти вечера иду поест на КП. Струков приказывает быть в штабе, подготовить эвакуацию типографии. Наборщики в окопах. Все обдумываю один. Ночью слушаю радио. 25-го наши войска оставили Новгород. Упорные бои на Кингисеппском направлении... Жду дальнейших распоряжений. Вокруг города зарево. Горит писчебумажная фабрика.

27.VIII. Утром, часов в шесть, Струков приказывает грузиться и ехать в Минную гавань. Достая машину. Беру из окопов наборщиков. Грузим шрифты, разбираем типографскую машину. Темп, усилия сверхгероические. Все это заняло 1 час. Едем в Минную гавань. Город утренний пуст, тихо. В здании порта наш КП. Моюся, бремся со Струковым. Он ровен, спокоен. Попили чаю, — его устраивают Цива Марковна Головичер и хромая эстонская уборщица.

В гавань едут на машинах, идут и идут пешком... Приказано Матушкиным останавливать бегущих. Это безумно трудно. Все усилия воли на это. Говорю Струкову: «Не в силах больше!» Он ласково, твердо, тихо: «Надо суметь. Давайте вместе»...

На недолгое время паника прекращается. Бесконечные налеты самолетов. Взрывы. Стрельба. Я захожу в порт. Там — Гринберг, Вишневский, Зенковский. Вишневский говорит Струкову, что меня отзывает Пубалт. Через несколько минут за мной с запиской посыльный, и я на «Веронии». Вишневский уступает мне свою койку, целует сумрачно, торопливо — и уходит на «Ленинград».

Горит Таллин. С корабля, который еще стоит на рейде, видно, как пылает арсенал, как рвутся боеприпасы, застилаются дымом Купеческая гавань, электростанция, водопровод. Багровое небо над всем городом, от Пириты до Палдиски³⁴. Ночь — тревожная ночь эвакуации. По темным волнам шныряют катера. Стрельба.

На «Веронии» пубалтовцы, Данилов из «КБФ», Бусыгин, Марков, журналисты Зенковский, Гринберг, Цеховницер, Михайловский, Князев, Колин — журналист из ОСО³⁵ 8 армии, девушки-санитарки, Вудалова — из разведки, с которой мы говорим почти всю ночь об Испании, где она бывала, о художниках, об Эренбурге, о многих наших, как оказывается, общих друзьях. Чем-то напоминает она В. Мильман³⁶. Тот же

культурный тип, известная доля цинизма, жадный на наблюдения и остроты ум. Смеется над Гринбергом, — он, говорит она, «минзухер» (немецкий анекдот — *Wilhelmina, Mina, Minnsucher*).

День проходит сравнительно спокойно. Поддразниваем Гринберга вместе с Будаловой. Он сумрачен, очень боится, хотя и крепится.

28.VIII. В походе. Обстрелы самолетов. Около 7 час. вечера ужин, затем в каюте Данилова я ему и Джесси Ивановой (машинистка газеты «КБФ») читаю стихи Блока и свои стихи о Блоке. Все время непрекращающийся огонь зениток «Веронии». Пикировка. На «Веронию». Сразу падает четыре бомбы. Все рушится, трещит... Дым. Вода. Выскакиваем в коридор! Я быстро соображаю — успею ли добежать в каюту, взять комплект своей многотиражки из противогаса? Нет, не успею.

Бегу на палубу. Драка из-за спасательных поясов — чёрт с ними, — я умею плавать. Драка при посадке в шлюпку, — нет, это очень опасно — она кренится. Сейчас оборвется канат, на котором ее неравномерно спускают носом вниз. Спускаюсь по штуртрапу. Прыгаю в воду. Плыву в чем был — в форме, в башмаках, с рукописями, документами, Машкиными письмами в карманах, с револьвером. То хватаюсь за бревно — они вертятся в руках... Неустойчиво... То подплываю к большому спасательному кругу. На нем уже — человек семь-восемь. Уцепившись за гашник какого-то дяди, плаваю. Начинаю леденеть. Нет, лучше двигаться. Бросаю спасательный круг, плыву дальше. Сколько плыву — не знаю. Все нереально, как в тумане... Наконец, когда уже силы начинают иссякать и сгущаются сумерки, — с буксира мне бросают конец. Подтянуться не могу, нет сил. Меня втаскивают за руки.

Холодно. Дрожь. зуб на зуб не попадает. Вокруг строчат самолеты, летают на бреющем полете вокруг буксирчика. Рядом со мной старший политрук Эстеров из НКВД. Тоже зуб на зуб не попадает. Откуда-то берется мужество пошутить, что ему надо побриться...

Наконец, дрожащие, шатаясь, мы входим на борт «Ленинградсовета». Сразу нас ведут куда-то к котлам — сушиться, греться... Полный покой. Иллюзия полного счастья. Раздеваюсь, как и все, сушу белье, документы, вырезки. Муравьиное упорство — все спасти, отстоять.

К ночи узнаю, что здесь Мирошниченко. Пробираюсь к нему в каюту с помощью краснофлотца, который прежде служил печатником у меня в таллинской типографии. С Мирошниченко мы не знакомы. Но встреча исключительно дружеская. Он железно спокоен, бодрит, угощает чаем, папиросами. Потом мы выходим с ним на палубу, надев спасательные пояса. С ними уже не расстанемся ни днем, ни ночью.

На палубе страшно. Ночь. Тьма. Все море стонет — «Поо-могите, спасите...» Сотни, тысячи людей с погибших кораблей. Спасти их нет почти никакой возможности. Мы — посреди минного поля. Встаем на якорь. Тревожная, бессонная ночь. Несколько раз ложусь в каюте Мирошниченко. Заснуть не могу.

Утро 29.VIII. Мы можем двигаться. Это кажется счастьем... Приводят еще партию спасенных. Среди них Н. Михайловский³⁷, корреспондент «Правды», с которым мы едва знакомы, но встречаемся как старые друзья. Эти дни незабываемые — общая судьба родила великую дружбу.

Начинают летать на корабль пикирующие бомбардировщики. По одному, по два, по три, по пять штук. Летят каждые 5—10 минут. Против них мобилизованы все пушки и пулеметы, ружейная стрельба краснофлотцев. Она идет почти непрерывно. А самолеты всё пикируют и пикируют. Бомбы падают совсем рядом. Командир корабля гениально маневрирует, — то дает полный вперед, то назад, то стоп, то замедляет ход, то убыстряет его, то кладет рули на левый борт, то на правый. Шар, показывающий скорость, летает вверх и вниз. Сплошной кордебалет корабля!

«БАЛТИЙЦЫ»

Сборник военных стихотворений А. К. Тарасенкова. М., «Сов. писатель», 1942
 Обложка и титульный лист с дарственной надписью автора Н. В. и А. А. Игнатьевым,
 26 декабря 1942 г.
 Собрание В. П. Нечаева, Москва

Наконец, Гогланд. Кажется, что после него будет легче. Но это ошибка. наших ястребков все нет и нет. В них же — одно спасение. Отбиваемся как можем. Одно из орудий корабля выходит из строя. Пулеметные ленты кончаются. Набиваем их патронами из подсумков краснофлотцев... А командир корабля старший лейтенант Николай Николаевич Амелько все маневрирует и маневрирует. Он делает это гениально. Ничего нет жутче пикирующего на корабль бомбардировщика. Чувствуешь, что под тобой — хрупкая палуба, под ней вода, — вокруг море, море, берег далеко, по курсу корабля набросаны мины. Прыгать второй раз — что, если придется? Сил нет. Предприятие будет вполне безнадежное...

Курю, курю без конца папиросы Мирошниченко. Пью чай, ем иногда хлеб с маслом. Временами совсем слабею, почти засыпаю. Михайловский подбадривает меня, поддерживает, ухаживает. Проходит час, — я оживаю, тогда он вдруг впадает в такое же оцепенение. Изумительно хорошо держится Мирошниченко. Он даже заносит в свой блокнот даты часов и минут, когда на нас пикируют. Но это происходит так часто, что в конце концов он сбивается, путает свои записи. Эту тетрадь он мне подарил...

Я продолжаю в поисках дела сушить вырезки, документы... К чему? Не знаю. Воля к жизни еще остается. Думаю о Маше, о ребенке, который уже, верно, родился, о судьбе родины. О себе мало. Это уже отодвинуто куда-то на второй план. Все равно чувствуешь себя подопытным кроликом.

Перед вечером появляются наши «ястребки». Сразу необычайный взлет энергии, прилив сил. Это у всех. Даже раненные в каютах оживают. Ястреб-

кам на палубе аплодируют. «Мессершмитты» и «юнкеры» удирают. Но все это, увы, не надолго. «Ястребки» уходят — и немцы появляются снова. Это очень тяжело. Снова пикировка за пикировкой, снова рвутся рядом бомбы, на палубе несколько осколков. Одна из кают раздроблена пулеметной очередью...

Так до самого вечера, до темноты... Вот и тьма. Хорошо! Скоро Шепелевский маяк, и мы почти дома. Но на тральщиках и на «Ленинградсовете» вышли из строя все приборы от бомбовых сотрясений, от собственной бесконечной стрельбы. Испорчен гирокомпас и пр. Все это я узнаю, стоя во тьме на палубе. Командир корабля ведет переговоры со шлюпками и катерами с тральщиков. И, хотя угрожает опасность подорваться на своих минах, он решает идти дальше. Идем тихо-тихо, почти ощупью. Впереди тральщик со змейковым тралом.

От нашего каравана почти уже никого не осталось — все погибли. Идем почти одни... Ночь. Палуба. Груды утомленных, спящих тел. Машинистка Пубалта Галя (спасенная) засыпает в объятиях какого-то краснофлотца. Тепло. Все — около выхода воздуха из машинного отделения. Спят, спят... Засыпаю и я... На берегу пожары... Какие-то ракеты... Война в ее декоративном и страшном облике.

Наутро мы входим в дождливый, туманный, но бесконечно красивый, родной, хотя и впервые мной увиденный Кронштадт. Жизнь спасена... Впереди — бои за Ленинград, блокада...

⟨...⟩ С едой все хуже. Хлеб — четыреста граммов. Это военный паек. Чуть мяса, чуть каши, водянистый суп, плавают капуста...

Из встреч этого времени — очень трудная вечером 6 ноября. Мы с Вишневым идем к матери покойного Ореста Цехновицера — по ее письму. Это где-то на проспекте Володарского. Она прислала письмо — отчаянное, грустное — где сын? Что с ним? Мы явились — прошли через артобстрел по проспекту. Квартира ленинградская, интеллигентская в самом славном смысле слова. Маленькая седая старуха. Умная, наша. Всё ей рассказали. Она трагически переживает — впервые ей сказали всю правду до конца. Она только догадывалась до этого, но точно не знала. Сестра Ореста — некрасивая, пожилая. Мать Цехновицера рассказывает: квартиру Ореста заняли какие-то проходимцы из милиции и домоуправления. Пропадает библиотека... Вишневский все записал, обещал помочь. (Через некоторое время подал все нужные бумаги прокурору, и дело было решено, мерзавцев наказали, об этом было в «Ленинградской правде».)

Трудно говорить с этой женщиной — так велик ее трагизм.

В эти же дни — дни праздника... Кажется, 7. XI мы с Вишневым и Михайловским на обеде в Разведупре у Фрумкина, Бобкова, Шилоносова, Падушкина в «Северной гостинице». Рассказывают много интересного. На этой основе написана мной и Вишневым статья «На Ленинградском фронте» (в «Правде») ³⁸.

Встречи с Найдой, Сорокиным. Правда, очень скоро они эвакуировались на самолетах в Казань ⟨...⟩ Заменял их Дурнов и очень дельный выпускающий — Маркушевич.

В ноябре-декабре у нас вышло много брошюр в энергичном темпе (в том числе моя маленькая книжка стихов и совместная с Ефимом Добинным брошюра о торпедных катерах).

Весь ноябрь проходит в сплошных воздушных тревогах, к которым присоединяются еще очень частые артобстрелы. Трамваи еще ходят, телефон и электрический свет, водопровод и отопление действуют. Поэтому переносить все это сравнительно легко. Обычно во время воздушных тревог и артобстрела мы все остаемся в помещении на четвертом этаже. Изред-

ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО. ЛЕДОВАЯ ДОРОГА

Фотография, 1942

Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

ка спускаемся вниз, в бомбоубежище, играем там в домино, читаем... В ноябре в группу³⁹ пришел Зонин, принятый нами всеми радушно. Начальство (Добролюбов и др.) его почему-то не взлюбило и забраковало очень быстро и дельно написанную работу «Что несет Гитлер крестьянству».

Рудный уехал в Москву. Послан туда Добролюбовым.

Долгими сутками люди дежурили на аэродроме, чтобы выбраться из города...

Все хуже становится питание. Наш паек хлеба срезан до трехсот граммов. На обед суп, чуть каши. Население получает сто двадцать пять граммов хлеба в день... Начинает пошатываться. Зонин сначала делится хлебом, едой, потом начинает уносить кусочки своей жене. Все истощаются... Что впереди? Люди надеются на Ледовую дорогу через Ладожское озеро. Но сколько можно провезти на машинах?.. Ждем-ждем прорыва блокады. У всех нас настроение — никуда из Ленинграда до победного конца.

Пользуюсь каждой возможностью для того, чтобы отправить письмо Маше, — ведь надежды на то, что почта идет через кольцо блокады, нет совсем... Одна из таких okazji в тыл — Лозинский. Бредем к нему на квартиру — на Кировский проспект — куда-то далеко, к самой Малой Невке (или это Большая Невка?..). Я с Лозинским не знаком. Но встреча с ним и его женой исключительно дружеская (Зонин знакомит). Лозинский берет письма. Он летит в Казань, берет с собой все свои материалы по переводу Данте. Будет трудиться. Худой, уродливый, англазированный. Обаятельно вежлив, внутренне культурен...⁴⁰

Поездка на «Киров» с Михайловским... Статья для «Правды»⁴¹.

Собираю книгу стихов — сдаю в издательство «Искусство»⁴².

Погиб Лебедев — поэт, штурман одной из подводных лодок. Собираем его стихи, пишем воспоминания, сдаем сборник в Военмориздат⁴³. Сдаем также сборник стихов Инге...⁴⁴

В один из первых дней декабря перебираемся с четвертого на второй этаж... В эти же дни страшный артобстрел Площади труда. Масса окон в доме нашем разбито. Чинимся, утепляемся... Снова можно жить...

4.XII. Шел по ночному Ленинграду — все радиорупора исполняли мою песню о Бринько ⁴⁵ (она стала здесь одной из наиболее популярных), а мне бесконечно грустно — нет писем...

Пишем с Михайловским статью о быте Ленинграда ⁴⁶. Даем на визу Всеволоду, передаем в Москву... Статья — одна из любимейших. Появилась она, увы, с большим опозданием, подрезанная. Почему-то выпала подпись Всеволода... (Все это я узнал лишь в конце января, когда Азаров из тыла привез этот номер «Правды». Матрицы 21.XII — по пути в Ленинград — погибли вместе с самолетом...)

Один из артобстрелов Площади труда. Разбит трамвай. Снег заметает всё... Через день-другой трамваи еще пытаются идти. Скрежет рельс... Пробуют люди расчистить рельсы. Всё трагически не идет. Уже бессилие какое-то. После этого дня больше идущих трамваев в городе я уже не видал...

Кончился суровый, холодный январь. Ближе весна. Ближе море, походы наши будущие...

Вчера читал и перечитывал первые подробные письма из Ташкента. Трудные они. Да, не той уже стала Машка, какой была она летом, осенью. Да и я стал не тот. Много утекло воды за это время... Многое изменилось до неузнаваемости... Мой возраст — 32 года — на войне уже считается почтенным. Рядом со мной — летчики — бьют немцев те, кто, казалось, еще не созрели для войны. А оказывается, они успели стать взрослыми людьми...

Пушкин пишет в своей «Метели»: «Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами»...

«...» Облик города совсем иной. То, что мы, писатели, описывали в сентябре, — в ноябре уже становилось ложью. Ту картину, которую мы давали в декабре, никак не применишь к сегодняшнему дню. У людей обнажились корни, да что там корни, — произошел как бы геологический сдвиг — слои почвы и грунта видны, как на срезе. Наружу выступили черты, тенденции, о существовании которых мы вчера еще, может быть, и не подозревали... Все мы держим решительный экзамен — тот, кто выдержит его, будет Героем с большой буквы, тот, кто не выдержит, — выйдет в тираж навсегда...

Вечера у маленькой печки. Потрескивают поленья. Они добыты — это великое благо. При свете их читаю Мопассана, Щедрина. Время сейчас есть, его хватает, но слова любимых книг очень туго входят в сознание — оно занято другим... Продумываю всю свою жизнь, вижу, как много в ней было случайного, неважного, наносного, какую бездну времени и я и меня окружавшие тратили на безумные пустяки... Впрочем, они-то, быть может, и составляли прелесть существования. Дико подумать, что можно было играть в теннис, стремиться купить заграничный костюм или поехать кататься на лодке на реку... И в то же время в жизни нашей сохранилась еще масса старых привычек, навыков, расчетов. Часто они нелепы и вступают в противоречие с могучим валом жизни, событий, несущихся навстречу.

Мир в огне! Мы идем по нему — будущие победители, — и никто не знает, кто останется в рядах, кто падет. Кто увидит реальную победу, кто умрет с верой в нее. Надеюсь твердо, что буду среди тех, кто опишет ее в полной красоте и объеме...

Приехали товарищи из командировки к летчикам, — привезли мяса, хлеба. У нас — праздничный пир. Настроение повышенное. Готовим-

НА СОВЕЩАНИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Слева направо: Л. В. Успенский, В. Б. Азаров, А. Я. Яшин, В. М. Инбер, Н. Л. Браун, А. К. Тарасенков

Фотография А. Дудченко. Ленинград, 6—7 февраля 1942 г.

Собрание М. И. Белкиной, Москва

ся к большому писательскому совещанию. Софья Касьяновна⁴⁷ готовит выставку из наших произведений. Боже мой, сколько написано за эти недолгие месяцы. 223-й день войны, кажется, сегодня? Да? Давно не видел «Правды» — уже, кажется, две недели... Писать туда сейчас трудно, материал стареет, пока дойдет до редакции. Решили сделать упор на книги, большие сравнительно книги, которые, надеемся, издаст Москва. У Москвы есть для этого возможности, которых нет у нас. Пишу сейчас мало... Думаю. Начал большую поэму⁴⁸ — итоговую вещь, которую хочется написать всей кровью сердца. Может быть, увидит она свет, когда Митька уже начнет читать по складам... Не знаю...

6. II. Сам удивляюсь как — но сегодня открываем большое писательское совещание, с большой выставкой, с уймой делегатов, с бесплатной раздачей книг — все, как полагается в таких случаях. В зале заседаний тепло — горит буржуйка. Через 10—15 минут откроем его. Сейчас Всеволод произнесет одну из своих магических речей — доклад об итогах работы писателей на Балтике. Потом будут прения... Завтра после закрытия совещания предполагается даже серьезный концерт. Все это удивительно, как пальма в тундре. Но тем не менее — факт. Вот только увы! — угостить делегатов нечем — каждый со своим сухарем.

Вчера получили крохотные посылочки от трудящихся из Свердловска. Одна посылочка на троих. Каждому досталось по три папиросы, по маленькому кусочку колбасы, по два пряничка, по десятку конфет и глотку водки. Сегодня раздавали кисеты — традиционный подарок фронтовику.

Все эти мелочи внимания очень трогают. Дары незаметные, но обаятельны в простом своем человеческом чистосердечии, как и наивные,

горячие письма, приложенные к посылочкам. «Дорогой патриот!» — начинается одно из них.

Здесь вся наша опергруппа — Вишневецкий, Мирошниченко, Крон, Азаров, Михайловский, Зонин, Амурский, Вишневецкая, затем спокойный седой Успенский из ПУРа — эрудит, поэт, прозаик и художник, Яшин — молодой поэт, Чуковский Николай, работающий в авиации, Добин из ВТК⁴⁹, Л. Кронфельд — с фортов, Кетлинская (Лен. ССП), Лихарев («На страже родины»), Каменецкий («Красный флот»), Семашко, Брук, Шляев и другие редакторы многотиражек, художник Соколов, писатель Капица из ОБРа⁵⁰, поэт Браун, работники театра КБФ Фидровский и Ерухимович, пубалтовцы Рыбаков, Лебедев, Смирнов, Корниенко, Мишурис, редактор «КБФ» Бороздкин, журналист «КБФ» Кормушенков, Золотовский.

Заходили на совещание полковой комиссар Склокин (из авиаотдела ПУ КБФ), полковой комиссар Мельник (IV отдел ПУ КБФ), капитан 3 ранга Чаликов, художник-фронтовик Я. Кравченко.

Совещание дружное, деловое, очень интересное, совсем не похоже на наши литературные пленумы и совещания раньше, до войны. Нет склок, интриг.

После вступительного слова дивизионного комиссара Лебедева — блестящий доклад Всеволода, умный, аналитичный, о каждом из нас он сумел сказать хорошее, доброе слово и в то же время каждому хитрый, скрытый укор — на будущее. Идут прения — хорошие, искренние, деловитые. Вечером доклад вице-адмирала Ралля о положении на море.

В качестве одного из гостей — Вера Инбер — седая маленькая героиня, написавшая замечательную вторую часть своего «Путевого дневника» — о пережитом за эти месяцы. Сидит седой осунувшийся Зонин, вечно юный Коля⁵¹, бровастый умница, милый Саша Крон... Софья Касьяновна подтапливает печурку... Готовим к вечеру керосиновые лампы. Произвели фотосъемку совещания, раздали литературу.

Да, много книжек мы здесь успели навыпукать, чёрт возьми!

Огромные щиты с газетными вырезками — сколько написано нами за эти месяцы статей, стихов, очерков! Много из этого — случайное, оно отойдет, забудется, но никогда в жизни не забудутся эти месяцы — героические, неповторимые, с тысячами великих трудностей и великой героики... Как мы напишем о них потом? Хочется собрать в себе все силы, хочется вобрать в себя все мыслимые детали пейзажа, поведения людей, быта... Разве все запишешь? Нет, многое приходится запоминать, фиксировать в зрительной, слуховой памяти...

Под конец заседания 6-го Инбер, Успенский, Яшин, Азаров, я, Браун читаем стихи. Инбер замечательна. Трагические, глубоко правдивые новые главы «Путевого дневника» — об осаде Ленинграда, о голоде. Строки о хлебе, о тепле... Это почти величественно, это трагедийно в лучшем смысле слова. Умные, сделанные, но, пожалуй, слишком рационалистические стихи Успенского. Остальное мне мало нравится. Вечером открытка от мамы. Инбер угощает хлебом, сыром-эрзац, печеньем, витамином «С».

Очень устал... На мне вся организационная часть совещания — от гвоздя и каждого полена до карты и лампы с керосином (на случай, если кончится ток от нашего пубалтовского движка). Всеволод более спокоен, чем в предшествующие дни, кажется, доволен. Всё в порядке.

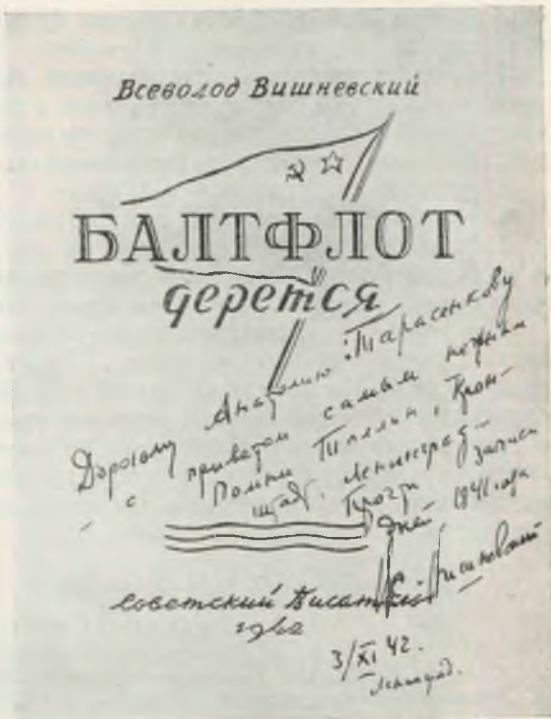
Союзом писателей и художников решено почти всех эвакуировать. На днях умер прекрасный литературовед Виктор Гофман, очень плох Эйхенбаум. Умер превосходный переводчик Пруста Франковский. Вовремя вывезли Ахматову, Лозинского.

Третьего дня проходил по улице... Трупы. Замерзшая вода. Во дворе ПУ — обледенелые гроты от лопнувших труб водопровода и парового

«БАЛТФЛОТ ДЕРЕТСЯ»

Сборник очерков В. В. Вишневского.
М., «Сов. писатель», 1942

Титульный лист
с дарственной надписью автора
А. К. Тарасенкову, 3 ноября 1942 г.
Собрание А. К. Тарасенкова, Москва

отопления. На рынке был на днях. Купил горсть лимонной кислоты за 70 руб. Вкусно. Продают хорошие вещи. Единственное мерило — еда. Кусочек сахара, хлеба, мяса — на вес золота. Продают обсосанные кусочки дуранды ⁵² — желтой, навозного вида, величиной с детскую ладонку.

Вчера эвакуировался с лагерем Литфонда писатель Геннадий Гор. Болен Решетов... На днях улетел в Москву по вызову ЦК (Александрова) Тихонов ⁵³. Летит на отчет в Москву директор ВМ издательства. Не слишком ли много отлетов и отъездов? Недавно отозван в Москву начальник отдела ПУ бригадный комиссар Добролюбов. Вместо него прилетел Корниенко ⁵⁴. Вечером 4 февраля сидели с Корниенко всей группой у печурки. Часа три он рассказывал очень интересно о положении на Черном море, на Каспии, в Крыму, на Кавказе. Многого мы не знаем, не понимаем из того, что делается на других фронтах и в тылу. Мы слишком полны собой. Есть, конечно, своеобразный фронтовой эгоизм. Да, мы — ленинградцы, выдержавшие невиданную по трудности осаду. Она заслонила от нас почти все остальное, совершающееся в стране.

Возвращаюсь к совещанию. Тезисы моего выступления: «Дельное совещание, хорошее, деловое. Нет обычных склок, интриг, ссор, характерных для довоенных писательских съездов и пленумов. Но не хватает критики, самокритики. О себе. Первые дни в многотиражке Таллина. Переворужение критика — стихи, „Полундра“, статьи, очерки — поверхностные, слабые еще. Брошюра компилятивная о танках. Я стремился видеть все — ТК ⁵⁵, подплавы, летчиков, МО ⁵⁶, крейсера... Интерес углубления. Раскиданность? Нет, жадность! „Правда“, работа в ней. Надо выбирать объект моногамной любви, но остаться оперативным газетчиком. Еще не время для монументальных книг, романов, повестей. Надо для них коптить, собирать материал, — но весь основной упор на радио, газету. У каждого свой путь. Я бы выбрал именно такой. Помогать молодым флот-

ским поэтам и писателям (ханковцы Дудин, Имшенецкий, из театра КБФ Фидровский, из авиации — Шлосберг, Сцепуро).

После совещания — литературный вечер 8. II на линкоре «Октябрьская Революция». Доклад Всеволода в ленинском кубрике, потом выступают Мирошниченко (читает отрывки из книги о Преображенском⁶⁷), Азаров, я, Зонин, Амурский, Вишневецкая.

С трудом возвращаюсь в Пубалт.

Свалился. Весь день 9. II лежу. Врач. Дистрофия сухая (<...>)

Ночью на газогенераторе едем на ул. Льва Толстого. Совсем недавно я здесь выступал со стихами перед ранеными. Теперь больной... Иногда мысли о еде занимают слишком много времени, сил — я гоню их...

Мы продолжаем смотреть великую пьесу и играть в ней. Она затянута. Если акт считать за месяц, — уже нарушены все законы мировой драматургии. Мы смотрим в сьмой акт. Многие хлопают дверью и, не дослушав последней небывалой реплики героя, запахнув шубу, убегают. Нет, я так не поступлю. Всеволод так не поступит. Надо досмотреть всё до конца — я верю в то, что конец будет счастливым, — не по традиции, а по внутреннему смыслу событий. Мы гордо скажем тогда — мы видели самое гневное и самое величественное...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мария Иосифовна *Белкина* — писатель-очеркист, жена Тарасенкова.

² Ольга Александровна *Халлебнова* — в 1941 г. секретарь парторганизации Союза писателей СССР.

³ Тарасенков работал до начала войны ответственным секретарем редакции журнала «Знамя».

⁴ НКФ — правильно НКВМФ — Народный комиссариат Военно-Морского флота СССР.

⁵ С. В. В. Вишневым.

⁶ НКО — Народный комиссариат обороны СССР.

⁷ Август Ефимович *Явич* и Павел Николаевич *Барто* — писатели.

⁸ Вс. *Азаров* — поэт; А. *Зиновин*, Л. *Кронфельд* — писатели-драматурги.

⁹ Весной 1941 г. Тарасенков был командирован на Балтику, писал историю военного корабля «Володарский».

¹⁰ Пубалт — Политуправление Краснознаменного Балтийского флота.

¹¹ Ю. *Зенковский* — журналист, погиб во время таллинского похода.

¹² Бригадный комиссар *Добролюбов* — начальник отдела в Политуправлении КБФ.

¹³ Памятник погибшему в 1893 г. броненосцу «Русалка».

¹⁴ Кадриорг — парк в Таллине, разбитый в 1718 г. по приказу Петра I.

¹⁵ Пйрита — северный пригород Таллина, центр водного спорта.

¹⁶ «ТТ» — пистолет системы Токарева.

¹⁷ Кайтселийты — банды эстонских националистов.

¹⁸ «КБФ» — газета «Красный Балтийский флот».

¹⁹ «Полундра» — здесь, вероятно, отдел сатиры и юмора в газете «На боевой вахте».

²⁰ ЭТА — Эстонское телеграфное агентство.

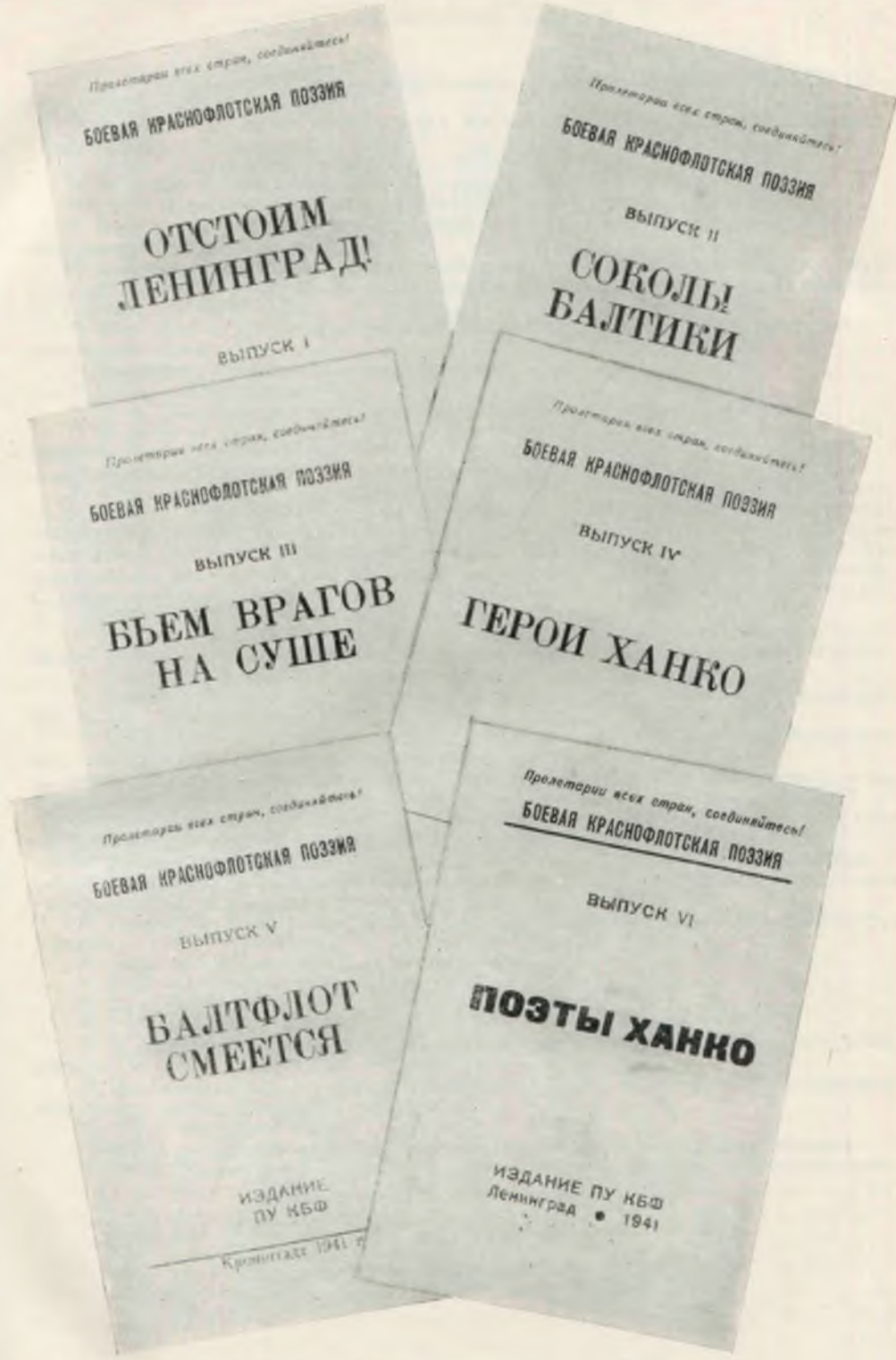
²¹ Илья *Иголкин* — работник Пубалта, участник боев за Таллин. Впоследствии был тяжело ранен. Очерк «Мужество» был напечатан в газете «КБФ» 5 октября 1941 г.; очерк «Богатыри Балтики» — в «Правде» 22 ноября 1941 г. (совместно с В. Вишневым и Н. Михайловским).

²² «Борьба с танками». Таллин, Гослитиздат ЭССР, 1941 (Политическое управление Краснознаменного Балтийского флота).

²³ Лев Самойлович *Самойлов* — художник, работавший в редакции газеты «Красный Балтийский флот»; в настоящее время член редколлегии журн. «Крокодил». Из названных здесь четырех писателей трое (Ю. Инге, М. Гейзель, Е. Соболевский) погибли 28 августа 1941 г. во время перехода кораблей Балфлота из Таллина в Кронштадт.

²⁴ Очерк «Схватка с врагом». — «За коммунизм», Таллин, 6 августа 1941 г.

²⁵ Л. Соболев 26 июля 1941 г. был вызван из Таллина в Ленинград, где он получил назначение в «писательскую бригаду», сформированную при штабе Северо-Западного фронта.

«БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ»

Серия поэтических сборников. Издание Политуправления Краснознаменного Балтийского флота.
Ленинград — Кронштадт, 1941

Обложка

Собрание А. К. Тарасенкова, Москва

Смерть немецким оккупантам!
БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ

ВЫПУСК VII

**БАЛТИЙСКАЯ
ЛИРИКА**

Смерть немецким оккупантам!
БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ

ВЫПУСК VIII

**РАЗГОРАЙСЯ
НЕНАВИСТИ
ПЛАМЯ**

Смерть немецким оккупантам!
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КБФ
БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ

ВЫПУСК IX

ТЕБЕ, МОСКВА!

Смерть немецким оккупантам!
Политическое Управление КБФ
БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ

ВЫПУСК X

**МЫ
ИЗ КРОНШТАДТА**

Смерть немецким оккупантам!
Политическое Управление КБФ
БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ

ВЫПУСК XII

**ВЕДУТ КОМАНДИРЫ
И ВОЕНКОМЫ**

ВОЕНМОРИЗДАТ
1942

Смерть немецким оккупантам!
ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КБФ
БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ

ВЫПУСК XIII

**КРОВЬ ЗА КРОВЬ,
СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ**

ВОЕНМОРИЗДАТ * 1942

«БОЕВАЯ КРАСНОФЛОТСКАЯ ПОЭЗИЯ»
Серия поэтических сборников. Издание Политуправления Краснознаменного Балтийского флота.
Ленинград — Кронштадт, 1941—1942
Обложки
Собрание А. К. Тарасенкова, Москва

²⁶ Я. Гринберг погиб на военном транспорте «Верония» во время перехода Таллин — Кронштадт.

²⁷ Очерк «У летчиков». — «Советская Эстония», 5 августа 1941 г.; «Kommunist», 5 августа 1941 г. (на эст. яз.).

²⁸ ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь.

²⁹ Сведений об этом очерке найти не удалось.

³⁰ Очерк «Патриот». — «Красный Балтийский флот», 24 июля 1941 г.

³¹ Пикк и Виру — улицы в центральной части Таллина. Здесь сохранилось много старинных готических зданий.

³² «Верония» — до войны прогулочный комфортабельный пароход; в дни войны военный транспорт. Был разбомблен немцами и затонул 28 августа во время перехода из Таллина в Кронштадт.

³³ Вышгород — древнейшая часть города, расположенная на холме и окруженная крепостной стеной.

³⁴ Палдиски — южная окраина Таллина.

³⁵ ОСО — Особый отдел.

³⁶ В. А. Мильман — в те годы литературный секретарь И. Г. Эренбурга.

³⁷ Переход из Таллина в Кронштадт был описан Н. Михайловским в книге «Таллинский дневник» (Лениздат, 1958).

³⁸ «Правда», 1941, № 313 11 ноября.

³⁹ В октябре 1941 г. в Кронштадте, где тогда помещалось Политуправление Краснознаменного Балтийского флота, по инициативе В. Вишневого была организована «оперативная группа писателей», служивших в рядах Военно-Морского Флота. В течение войны состав этой группы менялся. По сведениям, взятым из дневника А. К. Тарасенкова, в нее входили: Вс. Азаров, И. Амурский, Б. Вадецкий, Вс. Вишневский, С. Вишневецкая, А. Зонин, А. Крон, Г. Мирошниченко, Н. Михайловский, В. Рудный, А. Тарасенков, Л. Успенский, Н. Чуковский, А. Штейн.

⁴⁰ Михаил Леонидович Лозинский (1886—1955) — поэт и переводчик. Его многолетняя работа над переводом «Божественной комедии» Данте была завершена в 1945 г.

⁴¹ Очерк «Гордость Балтики». — «Правда», 1941, № 336, 4 декабря.

⁴² В годы войны у А. К. Тарасенкова вышли две книги стихов: «Балтийская слава» (М.—Л., Военмориздат, 1941) и «Балтийцы» (М., «Сов. писатель», 1942).

⁴³ А. Лебедев. Огненный выпел. Предисловие Н. Тихонова. Военмориздат, 1942. Об Алексее Лебедеве см. в настоящ. книге, стр. 617—623.

⁴⁴ Ю. И н г е. Балтийские стихи. Военмориздат, 1942. Об Юрии Инге см. в настоящ. книге, стр. 597—602.

⁴⁵ Петр Бринько — летчик, Герой Советского Союза. «Песня о Бринько» — текст А. Тарасенкова, музыка Б. Гольда.

⁴⁶ «Письмо из фронтового Ленинграда». — «Правда», 1941, № 353, 21 декабря.

⁴⁷ Художница С. К. Вишневецкая, жена В. В. Вишневого. См. в настоящ. книге публикацию писем к ней Вишневого.

⁴⁸ Поэма не была написана. Ее предполагавшееся название — «Ленинград в осаде».

⁴⁹ БТК — бригада торпедных катеров.

⁵⁰ ОВР — охрана водного района.

⁵¹ Н. К. Чуковский.

⁵² Спрессованные жмыхи.

⁵³ Н. С. Тихонов вскоре вернулся в Ленинград и находился в нем до конца блокады.

⁵⁴ До назначения на Балтийский флот Д. И. Корниенко был начальником отдела печати ГлавПУРа НКВМФ.

⁵⁵ ТК — торпедные катера.

⁵⁶ МО — небольшие корабли, «морские охотники» за подводными лодками.

⁵⁷ Г. И. Мирошниченко написал книгу «Гвардии полковник Преображенский».